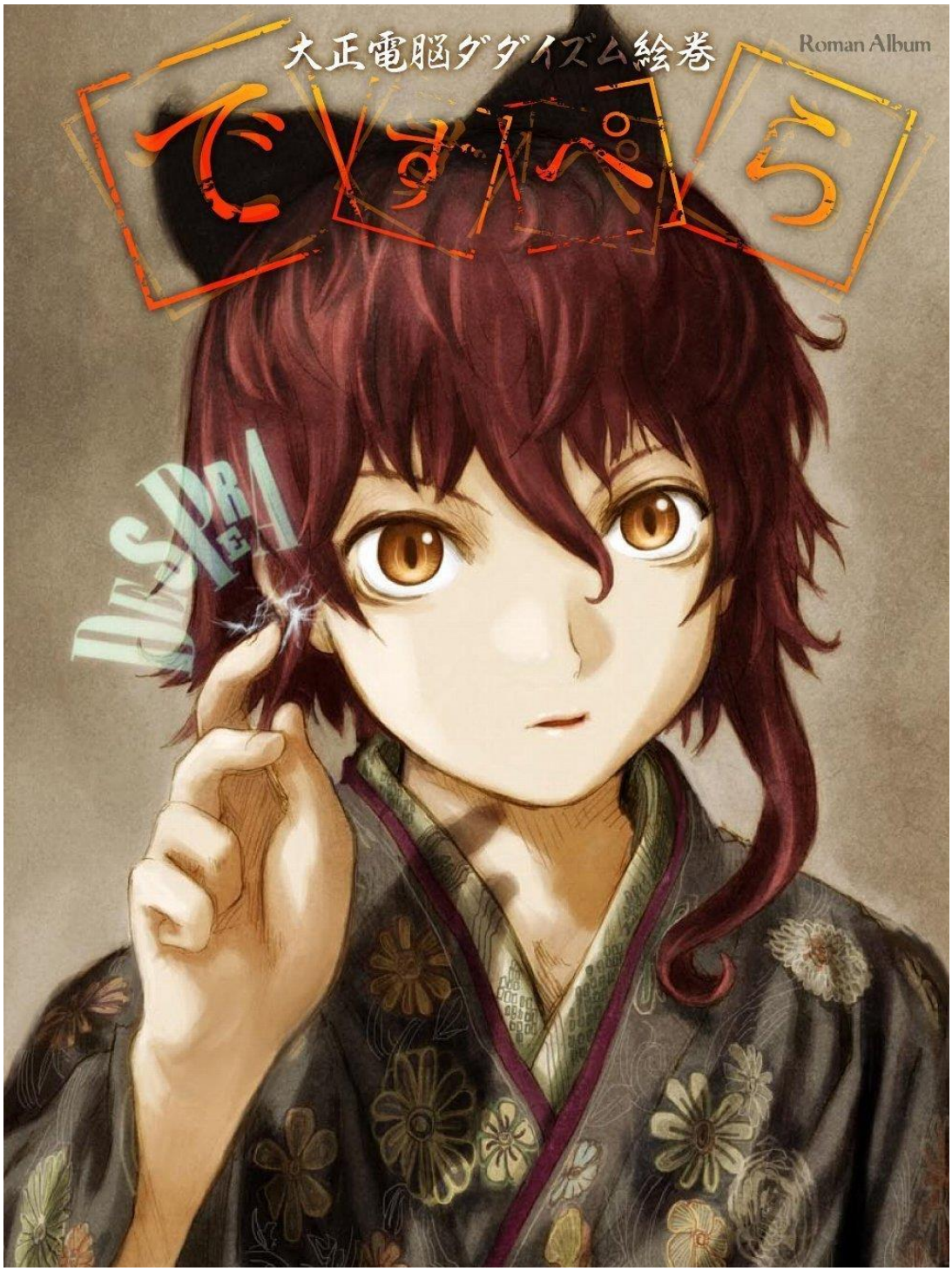
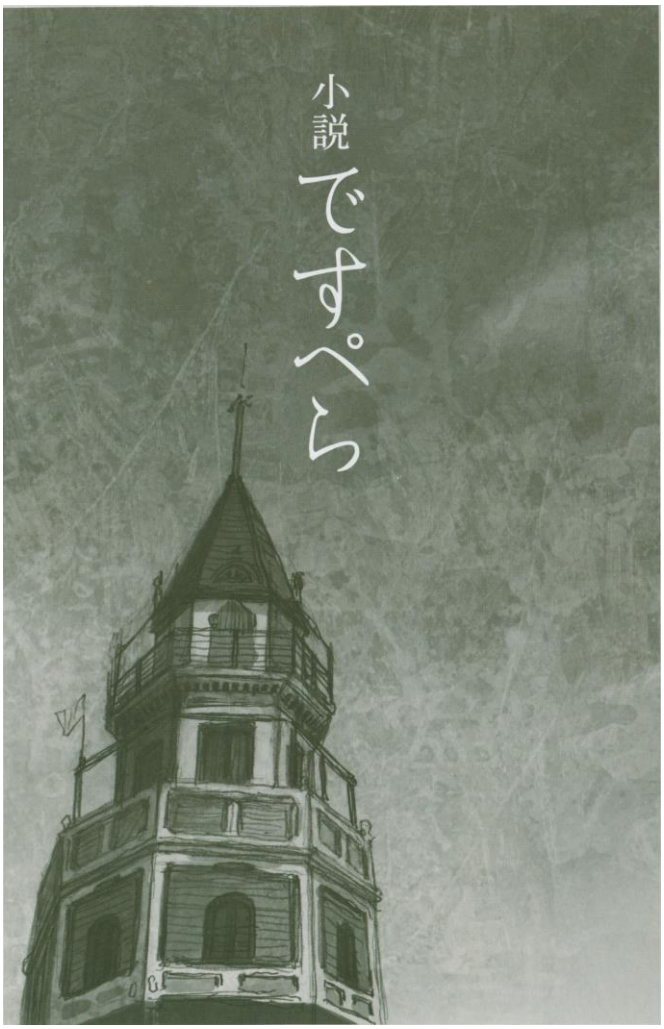
Деспера



Текст Тиаки Конака
Иллюстрации Ёситоси АБэ
Английский перевод /u/str8_0-degree_salsa
Вольный русский перевод Basile, специально для третьего Лэйн-треда в /a/ 2ch.hk
(12.02.2023)

Асакуса Дзюникай



Когда он услышал, что пришла посылка из Йокогамы, то подумал - наконец началось то, чего он так долго ждал.

Пока черный ход Дзюникай, закрывавшийся под вечер, стоял распахнутым, подъехала машина с посылкой.

"Осторожней. Это легко разбить"
"Внутри стекло? Оно ужасно тяжелое…"

Они перенесли кучу деревянных ящиков в башню Асакуса. Содержимое действительно было из стекла, но его никак нельзя было назвать произведением искусства.
Он остался один в подвале Дзюникай, когда ушли грузчики и решил подождать до завтра, чтобы запитать эти все еще упакованные приборы. Впереди нелегкий путь, это займет много дней.

Покидая Дзюникай, он взглянул на башню.

Изначально названное «Рёнкаку», это здание больше известно, как «Двенадцатиэтажка Асакусы» (Асакуса Дзюникай). Несмотря на строительство в эпоху Мэйдзи, оно полнилось посетителями более десятка лет с начала эпохи Тайсё. Кирпичные стены покрыла грязь, и небоскреб превратился в сувенирную, где продавалось то, что можно было найти везде.

Этого бы не случилось, если б он – Такэсита Хиротаке, купил Дзюникай целиком. Он только заменил старый молниеотвод, который был на верхушке здания с самого его строительства, на более внушительный, и затем арендовал подвал, который служил ничем иным как безвременным складом.

Каким бы унылым не было его присутствие, факт остается фактом, в Асакусе, да и вообще во всем Токио едва ли было здание, сравнимое с Дзюникай по высоте. Вот почему Такэсита выбрал его, и не имело никакого значения что располагалось рядом.

Когда говорят о Шестом городском районе, на ум приходят небольшие театры и кино, но местность вокруг Дзюникай кишела мелкими заведениями «мейсюя» (якобы бар с хорошим алкоголем). Мейсюя не торговали выпивкой, то были злачные места, где женщину можно было купить дешевле чем в районе Ёсивара.

Были также и те, кто обнаруживал себя затянутым в эти грешные логова: желающие стать писателем, как Мори Огай-сенсей и Нацумэ Сосэки-сенсей, коммунисты или идеологи, лелеющие свое недовольство состоянием общества после Реставрации Мэйдзи, и им подобные.

В обычный день Такэси прошел бы мимо, даже не взглянув, но сейчас эйфория от грядущих планов каким-то чудом привела его в переулок, вдоль которого стояли мейсюя.

Дешевый макияж, смешанный с развратом, рождал особый отвратительный аромат, висевший в воздухе.

Он не обращал внимания на всех тех женщин, что зазывали его из-за решеток. Однако, бросив быстрый взгляд в угол, он заметил что-то, что привлекло его внимание, и повернулся.
Он смотрел вовсе не женщин, обхватывающих решетки своими пальцами - позади них, на тусклом грязном полу сидела девочка. Может быть ее только что продали сюда. Неспособная обслуживать клиентов, она наверняка трудилась простой прислугой.

Не то чтобы Такэсита испытывал к ней какую-то жалость, но ее подавленное выражение в этой темной комнате буквально врезалось в память.

Полмесяца спустя, когда машины начали делать свое дело, Такэсита безвылазно сидел в подвале. Но он был не один, как прежде. С ним теперь живет девочка по имени Эйн.

ммм ммм ммм ммм

Из этого подземного помещения нынче постоянно исходил низкий гул, не такой как звон в ушах.

Если бы подобное звучало в районе кладбища Янака, то наверняка вызвало бы чье-нибудь недовольство. Но в Дзюникай не было никого, кто бы обращал внимание на эту вещь.

ммм ммм ммм ммм

Источником шума был генератор в комнате, ниже той, где находились Такэсита и девочка. Такэсита провел много времени запершись, в окружении бесчисленных машин, которые собрал сам.

Вокруг него, как фонари на рыбацкой лодке, были большие стеклянные сосуды, горящие словно лампы, и внутри них смутно мелькали буквы и изображения как в калейдоскопе. Эти лампы, похожие на аквариумы, были изобретены Брауном[1].

Человек сидел и пристально смотрел на буквы и изображения, проплывавшие внутри ламп.

[1] Карл Фердинанд Браун, немецкий физик, изобретатель кинескопа (катодно-лучевой трубки, трубки Брауна).

"Эй, неужели ты всё еще не доволен?" - не выдержав скуки, девочка наконец заговорила впервые за несколько часов.
"Если тебе скучно, почему бы не сходить прогуляться? Только не шарахай людей электричеством как в прошлый раз"
"Эйн не стала бы делать что-то подобное!"

На вид ей можно было дать двенадцать, но выражение ее лица выглядело несколько взрослее. На ее голове каким-то невероятным образом была повязана огромная лента. Можно было сказать, что Эйн носит кошачьи ушки.

"Точно, вспомнила, сегодня же лекция в районе Мита, ну, с этим профессором из Германии!"
"Ах вот как, это сегодня?"
"Ты разве не планировал пойти встретиться с ним?"
"Ну..."

Будучи официально приглашенным от журнала Кайзо (改造 *Kaizō*), получивший известную награду в прошлом году, профессор Эйнштейн и его визит стали весьма живой темой для разговоров.

"Эй, давай пойдем! И скажу тебе вот что, теория относительности Эйнштейна позволит мне видеть будущее через катодно-лучевую трубку!"
"Дело не в одной только в теории относительности, знаешь ли"

Пусть Такэсита и собрал себе приборы своими руками, на дизайн сильно повлиял Никола Тэсла, у которого он учился в Америке.

Весь день он мог сидеть уставившись на изображения, проецируемые катодно-лучевой трубкой, но иногда ходил в район Кабутотё (Kabutochou), только чтобы потом вернуться с сумкой, набитой деньгами.

Поэтому он мог делать что хочет в подвале Дзюникай - потому что у него всегда было достаточно денег.

Как только благосклонность Эйн к этому человеку, что решительно настроился не выходить на улицу, исчерпала себя, она вернулась в маленькую комнату с низким потолком, которую считала своей.

На полу, в центре разбросанных проводов и разобранных электрических деталей, лежала неполная груда шестеренок и шкивов, которая была даже больше сидящей фигуры Эйн.

Когда Эйн начинала работать над этим, она настолько уходила в процесс с головой, пребывая в каком-то трансе, забывая приготовить ужин.

Но что поражало Такэситу больше всего, так это то, что он понятия не имел что собирает Эйн.

Младший лейтенант Эноки был одет не военную форму, а в обычную гражданскую одежду, когда приехал в Асакусу этим утром. Нынче служивые люди все меньше и меньше вызывали уважение на улицах, до такой степени, что те, кто по глупости открыто носил военные мечи, не могли даже сесть в трамвай.

Это все из-за бесполезных военных походов в Сибирь, пустая трата денег налогоплательщиков - думал лейтенант Эноки, но не решался сказать эту вещь вслух.

Интересно, когда все вопят про демилитаризацию - мрачно подумал лейтенант Эноки – *как долго еще протянет мой Армейский научный институт…*

Он проделал весь этот путь в Асакусу из исследовательского института в лесах Синдзюку-Тояма не затем, чтобы заигрывать с дамочками из Дзюникай, а ради расследования, назначенного старшим офицером, насчет мощных радиоволн, которые наблюдаются в районе.

При том что радиостанций еще нет и в помине, единственное оборудование, которое способно излучать радио волны, должно быть у коммуникационной лаборатории Министерства связи и транспорта в Дайба, или чуть дальше у беспроводной телеграфной станции Тёси, и все это принадлежит военному морскому флоту, потребляет тучу энергии, которую добывают на гигантских турбинах.

Такого оборудования не может быть в Асакусе.

Можно было бы сказать, что Рёнкаку, он же Дзюникай, похож на радиовышку из-за своей высоты, но до того, как он поступил на военную службу, во время поездки из Фукусимы в Токио, он был в Рёнкаку и не увидел ничего, кроме тусклой лестницы, утыканной пин-апами по стенам, и лавки, продающий сувениры бог знает откуда. Он знал, что здание Рёнкаку не способно на такое.

Несмотря на это, он наведался в Рёнкаку чтобы убедиться, что он ничего не упустил, и там, пускай народу было немного, он увидел кого-то, выходящего из Дзюникай.
Это был мужчина около тридцати, с мрачным выражением лица, вместе с девочкой, примерно вдвое его младше.

Бог ты мой, притащить ребенка в Дзюникай в такое время и в таком возрасте – как безрассудно! – сказал себе младший лейтенант Эноки, но посреди своего негодования он заметил еще одну фигуру, следующую за парой.
Неужто это военный офицер, выслеживающий русских шпионов! С чего бы ему преследовать этого мужчину? – думал лейтенант Эноки, постепенно проявляя интерес к ситуации.

А, ясно, должно быть он получил донесение, что этот человек замешан в подозрительных действиях в Дзюникай. Наверное, это тот, Такэсита – подумал лейтенант Эноки, решив последовать за ними.

Он сел на трамвай и проследил за Такэситой и девочкой до района Суругадай. В это время пронырливый военный офицер, которого он заметил раньше, испарился.

Куда же едут эти двое?

Такэсита с девочкой вошли в ворота большого особняка. Когда лейтенант Эноки увидел табличку особняка, он немало удивился.

Главный особняк Фуэнокодзи Кимиясу был в Санбантё, но он построил еще один в Канда-Сругадай, и именно здесь проводил большую часть своего времени.

Входя в недавно отстроенный второй особняк можно было подумать, что попадаешь в отель в Нью-Йорке, он был оформлен в западном стиле. Однако, у виконта в этом втором доме живет русская эмигрантка, Варвара Андреева, наверное, ради нее постройка была создана таким образом.

"Эй, та женщина такая бледная, ужас!"

Такэсита нахмурился в ответ на дерзкое замечание Эйн.

"Прекрати глазеть, Эйн"
"Но…"

Фуэнокодзи Кимиясу весело улыбнулся.

"Это русская дама, которая бежала сюда из Харбина"

Несмотря на то, что на вид она слабо говорила по-японски, заметив, что разговор зашел о ней, Варвара поднялась с дивана, на котором она сидела в конце комнаты.

Не глядя на нее, виконт Фуэнокодзи холодно произнес:

"Варя, танценка"

"Сейчас?"

Судя по всему, виконт попросил ее станцевать. От смущения Варвара покраснела как обожженная глина. Она застыла как вкопанная и повесила голову, словно виконт смотрел на нее, хотя она и была вне его поля зрения.

Виконт очень любил ломать ее самооценку, и ее одобрение таких действий позволяло продолжать жить как аристократке даже здесь, в чужой стране.

"Похоже, там убивают множество дворян и солдат"

Не выдержав гнетущей неловкой атмосферы, Такэсита сменил тему.

"Ах, муж этой женщины также был казнен. Они сказали, что она может танцевать балет, поэтому я взял на себя заботу о ней"

Недавно всемирно известная Анна Павлова приехала в Японию, чтобы станцевать при полном аншлаге.

"Перед тем, как мы перейдем к делу, я должен просить о небольшом одолжении…"

Такэсита попытался разрядить обстановку.

"Ну и что же это за одолжение? Пожалуйста, скажи мне"
"Я заметил, что за мной следят полицейские, или, может быть военные офицеры, я видел кого-то, кто выглядел таким образом и следовал за мной"
"Посмотрю, что можно сделать. Если я могу чем-нибудь помочь, дай мне знать, пожалуйста"
"Огромное вам спасибо"
"Что ж, давай послушаем насчет сегодняшних событий. Ах, нет, не столько о сегодняшних, сколько о 'завтрашних', ха-ха-ха!"
"Хара Такаси[2] будет убит. Это произойдет 4-го ноября на вокзале Токио"

Глаза виконта Фуэнокодзи сузились и его взгляд обострился пока он слушал.

"Виновником будет железнодорожный служащий Накаока Конити, который на самом деле является внуком Накаоки Таро…"

[2] Хара Такаси (яп. 原 敬; 9 февраля 1856, Мориока — 4 ноября 1921, Токио) — японский политический и государственный деятель, премьер-министр Японии в 1918-1921 годах.

События, о каких говорил Такэсита, действительно были “завтрашними”, он не подразумевал под термином “завтра” ничего кроме ближайшего будущего. Раскрывая небольшую часть будущего, которое он наблюдал через машины в подвале Дзюникай, Такэсита добился расположения виконта. И пока мужчины разговаривали, Эйн, казалось, помрет со скуки.

Спустя полчаса виконт, который слушал Такэситу, наконец был доволен. Он передал ему деньги, которые тот положил в карман и вышел из комнаты.

Уходя, Такэсита сказал несколько слов по-английски Варваре, стоявшей в углу. Впервые Варвара позволила своему лицу просиять, и наконец, стала похожей на человека. Увидев это лицо, по непонятной ей причине, Эйн почуяла жгучий, необъяснимый гнев.

Вместо того чтобы сразу вернуться в Асакусу, Такэсита сел с Эйн до Гинзы. Оттуда они могли вернуться через подземку[3], так было удобней.

Когда они шли по кирпичной дорожке, окутанной поникшими ивовыми ветвями, Такэсита сказал Эйн, что они словно в европейском городке, но Эйн, которая никогда даже не думала о посещении чужой страны, просто с необычным интересом оглядывала свое окружение, которое так отличалось от Асакусы.

Такэсита не мог не вспомнить катастрофу, случившуюся много лет назад, когда он был на западном побережье Америки, и неосознанно принял мрачный вид.

Внезапно он заметил, что кто-то до сих пор преследует их пару. Но, не чувствуя опасности, которую обычно ощущаешь в такой ситуации, Такэсита решил окликнуть незнакомца.

"Я вас вижу, знаете ли! Вы приехали за покупками?"

Лейтенант Эноки резко вздрогнул и выронил сигарету.

"Кто вы такой?"
"А.. ну… я…"
"Не полицейский часом, а? Да и на военного полицейского тоже не смахиваете. Но зуб даю вы из военных"

Лейтенант Эноки расслабился и рассказал о себе, и о причине преследования. Когда они сели в пивной, то оба забыли об этом неловком моменте и увлеченно разговаривали, как старые знакомые.

Между тем, Эйн, хотя Такэсита и привез ее в Гиндзу, по привычке скучала. Лейтенант Эноки притихшим голосом предупредил Такэситу.

"Военные еще не раскусили что вы делаете в Дзюникай, но они обнаружили мощные радиоволны. Есть те, кто видят в этом угрозу, и они скоро начнут действовать"
"Разве вы себя не подставляете себя, рассказывая мне все это?"
"Как ученый, я заинтересован в ваших экспериментах. Я не хотел бы вмешиваться"

Лейтенант Эноки взглянул на Эйн. *Какая загадочная девочка*, подумал он

"Вмешиваться? О чем вы говорите?"

[3] 30 декабря 1927 года в Японии открыли первую подземную линию метро Гинза и рекламировала как «первую подземную железную дорогу на Востоке». Расстояние между Уэно и Асакуса составляло всего 2,2 км.

Под оглушительный рев три танка направлялись в лес Уэно. В отличие от ромбовидных танков, построенных в Англии, которые ранее были экспериментально представлены армией, танки Рено, построенные во Франции, были едва больше такси, что стоимостью поездки в одну иену.

Но в этих усаженных деревьями рощах, которые казались слишком густыми для проезда такси, танки без проблем ломали деревья и палатки, мешавшие их продвижению. В конце концов владельцы этих палаток вели нелегальный бизнес, поэтому даже если они и снесены таким насильственным образом, у них не было бы оснований выражать свое недовольство.

Начальник армейской пехотной школы отмахнулся от жалоб жителей Уэно, объяснив, что ввод танков в город был просто частью учений. Лейтенант Эноки, наблюдая такое положение вещей издалека, с изумлением говорил:

"Это не похоже на парадный плац в Аояма. Какие нелепые вещи они вытворяют. Не так ли?"

Вздрогнув от голоса лейтенанта Эноки, человек, также одетый в гражданскую одежду и охотничью шапку, повернулся и посмотрел на него.

"... это инициатива армейской кавалерийской роты"

Человек в охотничьей шапке, проверявший лейтенанта Эноки, сказал только.

"Ха-ха, тогда большая шишка с некоторым влиянием там, должно быть, думает, что в этом районе что-то сильно прогнило"

Человек в охотничьей шапке слегка улыбнулся в знак согласия.

"Вы сотрудник военной полиции, не так ли? Я Эноки, из Исследовательского института Тоямы"
"...Военная полиция, сержант Яманои"
"Вы занимались делом человека, который, похоже, жил в Дзюникай, не так ли?
Эноки, зная, что он выше по рангу чем Яманои, но на десять лет младше его, продолжал говорить вежливо.
"Должно быть, это тренировка для дальнейшего использования на континенте, но гонять танки по центру города — это безумие, не так ли?"
"Они не могли сравниться с его мощью без использования танков… вероятно, так они думали"

Лейтенант Эноки склонил голову набок.

"Против Такэситы в одиночку? Даже если это только он и эта девочка?"
"Девочка?"
"Разве они не живут вместе?"
Теперь Яманои озадаченно склонил голову набок.
"Не знаю, сам я ее не видел"
Разве они не были вместе, когда ты следил за ними, а? хотел сказать Эноки, но Яманои сменил тему.
"Скорее всего, это связано с подозрительными радиоволнами, но в последнее время в подвале Дзюникай появился механизм, который… ну, не знаю как это объяснить, странно гуманоидный, но и не гуманоидный, почти как кролик высотой в два кена (3,636 метра)"

Эноки был совершенно шокирован. Это было еще одно творение Такэситы? В это время под их взором разлился ослепительный свет.

"Это та девочка!"

Свет немедленно заполнил пространство перед танками. *В центре свечения, это Эйн!!* подумал Эноки, уверенный в том, что видел, но Яманои, кажется, совсем не замечал ее присутствия. Когда свет угас, танки начали бешено ездить вокруг, стрелять из пулеметов друг в друга.
"Что за возмутительное зрелище", — подумал Эноки, хотя и знал, что это никогда не появится ни в одной газете.

Эйн никогда не ходила одна, она все время была в компании Такэситы. Несомненно, могло показаться, что Такэсита заботится об Эйн как о младшей сестренке, но на деле не было ничего подобного.

Словно у нее было несколько личностей, Эйн иногда лепетала как птенец, неважно сколько раз Такэсита велел ей замолчать, а в другое время она целыми днями не произносила ни единого слова.

●

Наконец, Такэсита дошел до точки, когда больше не было сил слышать звуки флейты сякухати на перекрестке. Хотя способности музыканта превосходили даже профессионалов, все же человек, игравший на ней, был поэтом-дадаистом.

Сделав круг по пруду Хётан, Такэсита закурил сигарету и увидел, как перед ним столкнулись мужчина невротического вида и двое его иностранных спутников.

"Ты уже видишь шестеренки…?"

Тихим голосом, чтобы его точно не услышали, Такэсита пробормотал в спину удаляющегося невротичного человека.

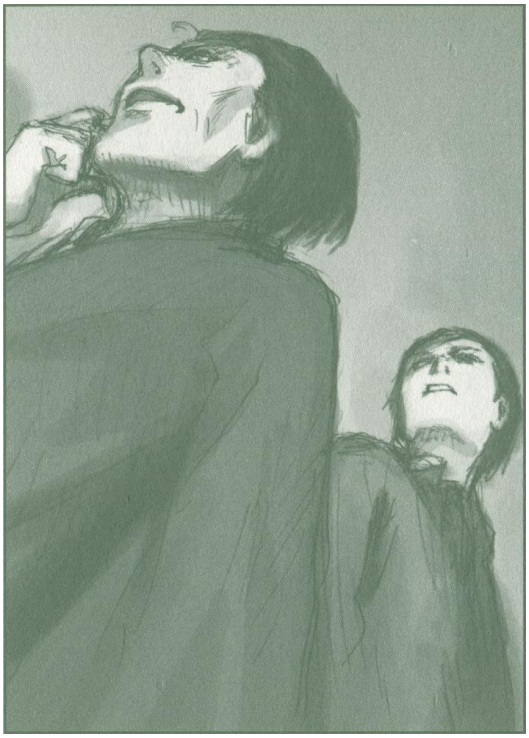
"Вы что-то сказали?"

Он обернулся, удивленный неожиданным голосом неподалеку. Это был мужчина, стоящий у лотка с открытками.

"А, нет, я просто говорил сам с собой"
"Ах вот оно что? Так вы, получается, сегодня один, господин?"
"А...?"
"Недавно, когда вы приходили с юной барышней, вы купили несколько открыток"

Продавец был в темных очках, казалось, у него плохое зрение, но зато он хорошо помнил голоса людей.

"Правда? У вас хорошая память"
"Эта юная барышня …ваша младшая сестра?"
"Нет.. ну, что-то вроде того, наверное"
"Прошу прощения, что задаю такие вопросы. Просто голос этой девочки, кажется я слышал его где-то раньше"



Это не слишком удивило Такэситу.

"Эта девочка была …нанята как служанка в мейсюя рядом с Дзюникай, и, учитывая эти обстоятельства, я забрал ее к себе"
"Ну… все же, я думаю, это был не голос кого-то, кого продали как проститутку?"
"Эйн… та девочка была в Асакусе еще раньше чем начала прислуживать в том заведении. Может ошивалась на улице"
"Понятно, теперь, когда вы упомянули, как-то давно я слышал слухи о странной девочке"
"Странной?"
"Говорили у нее очень бледная кожа, но она не выглядит нездоровой, всякий раз, когда кто-нибудь из местной бюрократии пытался ее поймать, он всегда цепенел, как от электричества, и она постоянно удирала"
"Электричество…"
"Да, и я слышал однажды, когда ее заставили ухаживать за ребенком проститутки, ребенок задохнулся, когда она несла его на спине — Господи, какой ужас!"

Такэсита погряз в раздумьях.

"Так или иначе, голос юной барышни напомнил мне ту девочку, но может мне показалось. Если я ошибся, пожалуйста извините"
"Ну что же..."

Все еще в раздумьях, Такэсита зашагал по дороге в Дзюникай. Может зайти в изакая (бар) где-нибудь, в любом случае слышать флейту с перекрестка уже не было никаких сил.
Когда он вернулся в подвал Дзюникай, то заметил, что Эйн нигде не было. Такэсита сказал себе, что она скоро вернется, но как бы не так.

●

С исчезновения Эйн прошло три месяца. Такэсита, покуда приближался "этот день", потерял покой и стал действовать в духе, которого избегал ранее. Он встретился в виконтом Фуэнокодзи и предупредил его, чтобы тот не находился в Токио в "этот день", и то же сказал лейтенанту Эноки, но когда получил в ответ совет не болтать лишнего, наконец понял, что никто его не послушает.

Он отправился в бар на окраине города и так напился, что упал. Валяясь на улице, словно мусор, он ворочался во сне, крича: "Скоро все это место сгорит. Все дома рухнут, и даже невинные будут вынуждены убивать друг друга жестоко, как животные. Вахахахахаха! Замечательно, замечательно!" и другие пугающие вещи.

Эйн, должно быть, не хотела быть рядом с таким человеком, как он. Конечно, она бы ушла. Со временем он привыкнет к жизни без Эйн, как будто ее никогда не было рядом, с самого начала. Вот о чем он пытался думать. Но все это самообман. Эйн пропала. Для него это почти то же самое, как если бы часть его тела и души взяла и исчезла.

Где я впервые повстречал Эйн? Это было в мейсюя. Нет, разве это не было по пути к Дангозака? Если подумать, с тех пор я вовсе не забирался на этот холм…— смущенно думал он, спотыкаясь прочь от яркого света во мрак кинотеатров Шестого округа.

В эти дни в оперных театрах стало удивительно тихо, и дилетанты, которые ездили в Асакусу, были поглощены своими картинами. Известные романисты открывали свои собственные кинокомпании и выпускали фильмы, для которых они писали сценарии, и даже говорили, что новые художественные выставки не могут сравниться с энергией и импульсом кинокартин.
Тем временем Такэсита, чье ежедневное существование в Дзюникай состояло из созерцания смутных, похожих на сон образов, отражающихся в электронно-лучевых трубках, не мог не быть впечатлен четкими, чистыми зарубежными картинами и лицами актеров.

Если подумать, было бы весело если б Эйн сходила со мной в кино?

Всякий раз, когда он вспоминал об этом, даже когда пытался погрузиться в темноту маленького кинотеатра, он не мог полностью сосредоточиться на изображениях, проецируемых на экран.

Черт, думал Такэсита. Как и ожидалось, в последнее время на киноэкранах не появлялось новых актеров оннагата[4], и по сравнению с иностранными фильмами ощущалась нехватка японских актеров, которые подходили бы для крупного плана. Поэтому Такэсита обычно избегал японских фильмов, но каким-то образом он случайно оказался в кинотеатре, где шел японский фильм.

Но темная, мрачная сцена, проецируемая на экран, была чем-то совершенно далеким от Японии.

В этом фильме, снятом новым режиссером Никкацу[5] Мидзогути Нанагаси и озаглавленном "Chi to Rei" ("Кровь и дух"), искривленные формы стен и дверей создавали странные, безумные иллюзии перспективы, а посреди всего этого был загримированный актер, белый как привидение.

Это подражание недавно показанному известному немецкому фильму - "Кабинет доктора Калигари"! — *или нет, если я проследил за повествованием, то вижу, что он пытается рассказать более оригинальную историю.*

Я вижу, ясно, что это амбициозный фильм. Но в его глазах история фильма уже исчезла, и он видел только искаженные внутренние и наружные сцены, проецируемые на экран. *Не в этом ли суть фильма? В конце концов, реальный мир искривлен точно так же, как этот,* подумал Такэсита, погрузившись в свои туманные размышления.

"Эйн!"

---

[4] Оннагата или ояма (яп. 女形 или 女方, букв. «[актёры] женского стиля/образа») — амплуа театра кабуки, исполнители-мужчины, играющие роли женщин, а также соответствующий стиль игры.

[5] Никкацу или Никкацу Корпорейшн (яп. 日活 株式会社 Никкацу кабусики-гайся, также международное название Nikkatsu Corporation) — японская компания, работающая в развлекательной индустрии. Название Nikkatsu объединяет слова (по Хэпбёрну) Nippon Katsudō Shashin, буквально — Японские Кинофильмы. Компания Никкацу образовалась 10 сентября 1912 года.

Хоть и не громким голосом, он назвал ее имя. Эйн была там, в проецируемом изображении. Позади играющих актеров, совершенно отстраненная от действия, за сценографией стояла Эйн, грустно глядя в его сторону — нет, прямо на него.

В своем замешательстве Такэсита начал сильно желать сам отправиться в место, проецируемое на экран.

Он встал с места, нетвердой походкой пошел к экрану, схватил рассказчика за руку; но тут его воспоминания внезапно обрываются.

Когда он очнулся от опьянения, Эйн была рядом с ним.
"Иллюзия…?"
Эйн, глядя на него, казалось, вот-вот расплачется.
"Куда ты пропадала, Эйн?"
"Куда? Эйн всегда была прямо здесь"

Если бы в те дни вы поднялись на Дангозаку, а затем продолжили путь до верхнего Хакусана, вы бы нашли магазин, торгующий новыми и подержанными книгами, а на втором этаже этого здания вы бы нашли кафе. Хотя они подавали довольно стандартную западную пищу, этот магазин в какой-то момент стал местом, где идеологи анархо-большевистского вопроса и поэты-дадаисты собирались, пили, поднимали шум и дрались с утра до ночи. По этой причине интеллектуалы Харамати, которые первоначально посещали магазин, перестали любить это место и, наконец, вообще его посещать.

На втором этаже лавки располагались также мастерская и контора, а также треугольное помещение, остававшееся пустым; было совсем не просторно. Говорят, что сотрудники начали носить русские рубашки до того, как эту тенденцию подхватил Накамурая[6] в Синдзюку.

Официантки носили фартуки поверх кимоно и сначала выбирались только из числа актрис, выступавших на сцене; в последнее время, впрочем, и выбор официанток стал несколько более сомнительным. У последнего пополнения была чуть более смуглая южная кожа, отчетливый нос и ясные глаза; и она создавала слегка опасную атмосферу, когда шептала что-то на ухо молодой официантке в русской рубашке. В этот день граммофон уже в сотый раз играл "Фра Дьяволо"[7].

"Я устала от этой песни"
"Просто не слушай ее"
"Не могу!"
"Я знаю ты можешь, Эйн"

На предложение Такэситы, не основанное ни на чем конкретном и совершенно лишенное даже малейшего учета чувств Эйн, она бескорыстно ответила: "Я не знаю насчет этого".

"Эй, почему всякий раз, когда мы приезжаем сюда, мы выбираем окольный трамвайный маршрут?"

Вышеупомянутый подъем на Дангозаку был достаточно близко к Асакусе. Старые люди со слабыми ногами чаще садились на трамвай, курсирующий вокруг Императорского университета, но ноги Такэситы были на стороне сильных.

---

[6] Возможно, речь про Синдзюку Накамурая, пекарню, открытую в 1901.

[7] Фра-Дьяволо, или Гостиница в Террачине (фр. Fra Diavolo ou L'Hôtellerie de Terracine) — комическая опера французского композитора Даниэля-Франсуа-Эспри Обера.

"Ну… как же так?"

Он собирался отмахнуться от вопроса, но обнаружил, что искренне недоумевает, почему они не ходят сюда пешком, как сказала Эйн. Ответ представился не сразу.
Такэсита пристально смотрел на крепкого мужчину, читавшего книгу у окна.

"Который час?"

Такэсита спросил Эйн, не глядя на нее.

"Не знаю. Эйн не носит часы!"

Эйн ответила, глядя на часы, висящие на стене. Они услышали приближающиеся к ним несколько резкие шаги, и с лестницы второго этажа вышел худощавый мужчина. Его глаза были большими и волевыми. Эйн поняла, что это был тот человек, которого ждал Такэсита.

"Осуги!"

Голос повысил мужчина у окна. Человек по имени Осуги казался немного взволнованным, но быстро слабо улыбнулся и сел у окна. Словно не подозревая об их присутствии, Осуги ни разу не взглянул на Эйн или Такэситу, которые все еще смотрели на него.

"Много времени прошло, не так ли Миядзима?"
"Ах"

Сакаэ Осуги[8] заказал вино у официантки, которая появилась рядом, ничего не сказав.

"Удивлен видеть тебя за выпивкой здесь"

Миядзиме казалось, что все, что делал Осуги, было неожиданностью. После трехстороннего или четырехстороннего романа Осуги с Ноэ Ито[9], когда его ножевые ранения от рук Итико Камитики[10] потрясли мир, его близкий друг Сукео Миядзима[11] дистанцировался от Осуги и начал планировать свою собственную оригинальную анархистскую литературу.

---

[8] Сакаэ Осуги (яп. 大杉栄 О:суги Сакаэ, 17 января 1885 года, Маругаме, префектура Кагава — 16 сентября 1923 года, Токио) — японский революционер-анархист и социалист.

[9] Ито Ноэ (伊藤 野 枝, 21 января 1895 - 16 сентября 1923) японская анархистка, социальный критик, автор и феминистка. Она была главным редактором феминистского журнала Seitō.

[10] Итико Камитика (神近 市子, Камичика Ичико) (6 июня 1888 — 1 августа 1981) журналистка, феминистка, писательница, переводчица и критик. После Второй мировой войны Камитика служила в Палате представителей Японии в качестве члена Социал-демократической партии.

[11] Сукео Миядзима (1 августа 1886 — 19 февраля 1951) был писателем и монахом. Он был ведущей фигурой в трудовой литературе Тайсё как в ранней пролетарской литературе.

"Нет, все в порядке. Спасибо. Мне нужно будет уйти отсюда довольно скоро"
Миядзима уловил в словах Осуги что-то решительное. Увидев самонадеянность своего коллеги, Осуги, все еще улыбаясь, сказал: *"Не так далеко. Я просто ненадолго зайду домой к Арисиме-сенсею[12]. Как вы могли догадаться, он спонсирует меня"*.

Миядзима в ответ лишь резко дышал через ноздри. Осуги одним глотком допил свое красное вино и положил деньги на стол.

"Осуги, будь осторожен"

Осуги улыбнулся Миядзиме и слегка кивнул, а затем спустился по лестнице, подняв такой же яростный шум, как и раньше. Эйн заметила, что тело Такэситы сильно напряглось в нерешительности.

"Почему…?"

Такэсита внезапно встал, заплатил за еду и поспешно пошел за Осуги. Пока они шли к станции Верхний Хакусан, Такэсита окликнул Осуги, одетого в накидку Инвернесса[13].

"Осуги-сан!"

Осуги остановился и обернулся, лицо у него было настороженное, он не знал, кто такой Такэсита.

"После того, как вы одолжите немного денег у Такео Арисимы-сенсея, вы собираетесь отправиться в Берлин, да?"

Взгляд Осуги стал презрительным.

"Вы из тайной полиции[14], не так ли?"

"Неважно, кто я. Пожалуйста, выслушайте меня. Вы можете добраться до Парижа через Шанхай. Но не сможете пересечь государственную границу. Вас отправят обратно в Японию до того, как вы сможете посетить Международный конгресс анархистов"

---

[12] Такэо Арисима (яп. 有島 武郎 Арисима Такэо, 4 марта 1878 года — 9 июня 1923 года) — японский писатель. Видный представитель литературной группы «Сиракаба» («Белая берёза»).

[13] Накидка Инвернесс представляет собой верхнюю одежду, защищающую от непогоды. Он примечателен тем, что у него нет рукавов, а руки выходят из пройм под накидкой (версия с рукавами - это пальто Inverness; версия с коротким плащом и рукавами - это пальто Ulster). Он стал ассоциироваться с вымышленным детективом Шерлоком Холмсом.

[14] Токубэцу кото кэйсацу (яп. 特別高等警察 токубэцу ко:то: кэйсацу, «Особая высшая полиция»), часто сокращается до токко кэйсацу (яп. 特高警察 токко: кэйсацу) или токко (яп. 特高 Токко:) — тайная политическая полиция, существовавшая в Японской империи с 1911 по 1945 год.

Эйн, увидев, что Такэсита дрожит, задрожала, как будто сама была напугана.
"Что же, вы провели некоторое расследование, поздравляю, но что касается меня, я могу ехать, куда пожелаю"

"Вы не понимаете, Осуги-сан! Если вы вернетесь в Японию, то не только вы, Ноэ Ито-сан и.. и.. другие потеряют свои жизни![15] Поэтому вам категорически нельзя возвращаться"

Посчитав Такэситу подчиненным у большого авторитета, презрительное лицо Осуги немного смягчилось.

"Что ж, я вижу вы действительно беспокоитесь обо мне. Но ваше беспокойство излишне"

Непреднамеренно опустив глаза, словно задумавшись, Осуги быстро сел в трамвай, как только он приехал, и исчез.

После этого Такесита долго стоял без движения. Он хорошо понимал, что Сакаэ Осуги не обратил внимания на то, что сказал он, тот кто видел будущее. Но он не смог бы ужиться с самим собой, если бы не попытался. Стоя на обочине, Такэсита позволял непрерывно литься слезам разочарования, и Эйн ничего не могла поделать, кроме как смотреть на его слёзы, что падали в землю.

●

Хотя она чувствовала, что задремала всего на минуту, когда Эйн проснулась и оглядела подвал, она нигде не могла найти Такэситу. Машины Такэситы все еще тихо гудели во время работы. ЭЛТ все еще отображали новости о грядущей катастрофе[16].

Его исчезновение абсолютно напугало Эйн, и хотя обычно она упрекала его за безразличное поведение, по какой-то причине на этот раз ее охватила непреодолимая тревога, как будто он был стерт из мира. Не в силах успокоиться, Эйн выбежала из подвала и побежала вверх по лестнице на улицу.

Эй, где.. где ты?
Если ты уйдешь, Эйн исчезнет.

Ее грудь сжалась от беспокойства и печали. Ходя по парку Асакуса, она нигде не могла найти Такэситу.

---

[15] В 1923 году Осуги участвовал в международном конгрессе анархистов в Берлине. За участие в праздновании дня 1-го Мая в Париже был арестован на 3 недели и выслан в Японию. Был арестован в Токио и забит до смерти жандармами вместе с сожительницей и партнёром Ито Ноэ и шестилетним племянником. Впоследствии эти события стали известны как Инцидент Амакасу.

[16] Великое землетрясение Канто (яп. 関東大震災 Канто: дайсинсай) — сильное землетрясение (магнитуда 8,3), произошедшее 1 сентября 1923 года в Японии.

Громко завыв от отчаяния, она подняла глаза к небу и увидела людей на смотровой площадке Дзюникай. Возможно — нет, определенно, это был он. Рядом с ним стоял еще один мужчина небольшого роста.

Только и всего?

Грудь Эйн расслабилась, и она побежала вверх по лестнице перепрыгивая по две ступеньки, чтобы отругать его за то, что он вышел один, не сказав ей.

Самая верхняя смотровая площадка уже была закрыта для посетителей из-за ветхости, но у двери был плохой замок, что позволяло знающим людям пользоваться площадкой.

Выйдя на площадку, Эйн услышал их разговор. Она была удивлена, обнаружив, что миниатюрная фигурка, которую она приняла за мужчину, на самом деле оказалась молодой женщиной.

"Тайная полиция, военная полиция и даже чиновники из Института армейских наук Тоцука преследуют меня. Неудивительно, что они подозревают вас"
"Ничего не поделаешь. Но, похоже, мое суждение все-таки было правильным"
"А вы говорите, что вы газетный репортер, мисс... гм..."
"Я Игараси. Маюми Игараси. А в прошлом году, например, во время краха акций Hoshiyama Pharmaceuticals был только один человек, который вовремя продался, чтобы получить прибыль — вы впервые слышите об этом?"

Когда Эйн, спрятавшись сзади, выглянула из-за укрытия, она увидела, что женщина с голосом, как у 10-летней девочки, на самом деле была женщиной-журналисткой с короткой стрижкой и странным нарядом, который смотрелся как мужской костюм.

Она не могла сказать, были ли накрашены только ее губы или она вообще не была накрашена, но ее рот был влажным и красным, и двигался странно соблазнительно.

Почувствовав, что она видит что-то, чего не должна, она вернулась к своему укрытию, и там, как будто все это время зверек был там, маленькая черная кошка, совсем еще котенок, подошла к Эйн и посмотрела на нее.

"Да, и ходил слух, что этот человек регулярно навещал знатную персону виконта Фуэнокодзи и получал какую-то компенсацию в обмен на разговоры о чем-то. А Восточноазиатская промышленная группа…"

"Нет, это не я. Вы наверное думаете про господина Киту"

"Кита? Господин Икки Кита[17]? Создатель Общего плана реорганизации Японии[18]…"
"Не то чтобы я имел сказать на его счет что-то ужасно важное"
"Но вы можете видеть будущее, я права?"
"…Это не обоснованный слух. Я не провидец или что-то в этом роде"
"Возможно, у вас нет сверхъестественной силы, но у вас есть способ знать будущие события. По крайней мере, похоже, именно об этом думали виконт и другие"
"Это была просто его эксцентричность"
"Ну, если бы это был просто слух о финансовых предсказаниях, то вряд ли бы меня это заинтересовало. Недавно вы говорили о вещах, которые меня заинтересовали. Например, что Токио скоро станет местом крупной катастрофы"
"……"
"Несколько лет назад секта Оомото[19] сделала похожее предсказание. Но секта была подавлена. Вы беспокоитесь о том, что подобное может случиться с вами?"
«У меня нет никакого намерения распространять информацию, но, если бы меня из-за этого схватили, это само по себе не беспокоило бы меня. Я боюсь не только землетрясения. Меня пугает то, что будет потом».
"Потом...?"
"Десять с чем-то лет назад я был в Америке. Примерно в то время, когда я собирался вернуться в Японию, в Сан-Франциско произошло сильное землетрясение[20]"
"……"
"Многие здания, построенные лучше, чем здесь, в Токио, были легко разрушены. Страшными были и пожары, распространившиеся впоследствии. Но после этого самым ужасным было то, что происходило в сердцах людей. В газетах распространялись беспочвенные слухи, и мэр приказал военным и полиции немедленно казнить мародеров. Это правда, что мародеры свирепствовали, но солдаты также грабили бары и тому подобное. Даже если бы не было доказательств, если бы мэр объявил вас мародером, вас бы расстреляли без суда и следствия."
"И вы утверждаете, что тое же самое произойдет здесь?"
"...Хуже"

Подслушивая разговор, Эйн хорошо понимала чувства Такэситы. Будущее, которое он узнал от своих машин, относилось не только к землетрясению, но последнее время он уже не мог думать ни о чем другом. Эйн знала, что одно только землетрясение держит его разум в плену.

---

[17] Икки Кита (яп. 北 一輝 Кита Икки, 3 апреля 1883 года, село Рёцу-Минато, в настоящее время город Садо префектуры Ниигата — 19 августа 1937 года) — японский писатель, интеллектуал и политический философ, оказавший огромное влияние на людей (преимущественно военных), которые затем возглавили японский милитаризм и управляли страной восходящего солнца в течение Второй мировой войны.

[18] «Nihon Kaizou Hoantai Kou» — книга, написанная Икки Китой о перестройке и революции в Японии. Дата выпуска: 9 мая 1923 г. (Тайсё 12)

[19] Оомото, или Оомото-кё (яп. 大本教 о:мотокё:) — религиозное движение, возникшее в конце XIX века в Японии. Возникла в 1892 году. «Оомото-кё» с японского переводится как «учение великого начала».

[20] Землетрясение в Сан-Франциско 1906 года — землетрясение, произошедшее в 5:12 утра (по местному времени) 18 апреля 1906 года. В результате землетрясения и последующих пожаров погибло до 3000 человек, 225 000—300 000 осталось без крова, 80 % зданий в Сан-Франциско было разрушено.

Но Такэсита, который никогда не обсуждал эти вещи с Эйн, изливал душу этой женщине-журналистке. Эйн было трудно принять это. Кошка приблизилась к грустному поникшему лицу Эйн и потерлась лбом. *Этой кошечке, должно быть, тоже было одиноко*, подумал Эйн.

Глубоко затянувшись сигаретой, Маюми понизила голос, словно собиралась сказать что-то, что скрывала.

"А теперь мне тоже есть что вам сказать"
"...Что же?"
"Люди, которые следят за вами, это не просто тайная и военная полиция"
"А...? Что еще?"
"Есть люди намного выше военных. Вы помните, как недавно в новостях появлялся этот «император Кумадзава»[21]?"
"Ах... это тот человек из Тохоку, который утверждал, что является потомком Южной династии? Хотя, думаю, ему никто не поверил. Только не говори мне, что это правда"

Раскрыв свой секрет, Маюми обрела самообладание.

"Крайне маловероятно, что этот старик из Тохоку будет признан законным потомком Южной династии. Но, знаете ли, для людей, считающих его утверждения законными, это что-то вроде откровения"

Когда Такэсита понял смысл разговора, по его спине пробежал холодок.

"Люди, которые думают, что Япония должна отказаться от своего нынешнего положения и перейти к диктатуре, готовясь к войне... вы имеете в виду?"
"На самом деле, были континентальные экспедиторы и военные, которые тоже сблизились с императором Кумазава. Этот старик не представил никаких доказательств или беспристрастных показаний, подтверждающих его заявление, так что его движение не стало особенно заметным... но если бы кто-то был..."
"....."
"Возможно, если бы был кто-то, кто обладал бы способом знать будущее…"

С мрачным предчувствием Такэсита посмотрел вниз, к основанию башни.

"...Пожалуйста, берегите себя, Такэсита-сан"

---

[21] Кумадзава Хиромити (熊沢 寛道, 18 декабря 1889 г. - 11 июня 1966 г.), также известный как «император Кумадзава», был японским бизнесменом и буддийским священником из Нагои, который публично оспаривал законность родословной императора Хирохито в период вскоре после окончания Второй мировой войны. Он утверждал, что является 19-м прямым потомком императора Го-Камеямы.

Маюми потушила сигарету об туфлю и спустилась по лестнице. Услышав удаляющиеся шаги, Эйн прижала кошку к груди и подошла к Такэсите.

Я хочу ему что-то сказать, подумала Эйн, но она только смотрела на Такэситу, когда он в свою очередь глядел вниз, словно в глубокую яму отчаяния.

Сегодня в парке Асакуса голоса, доносящиеся эхом из театров, рекламирующих различные зрелища, были такими же громкими и шумными, как всегда. Толстый лысый мужчина стоял на улице и с нетерпением слушал рекламу, не заходя ни в один из театров. Арендатор Дзюникай, Такэсита, смотрел на него издалека. Он знал, что этот лысый мужчина со временем станет признанным автором детективных романов; он также знал, что больше всех любит Асакусу, который скоро исчезнет в тот день, и напишет много, чтобы задокументировать это.

"Эй ты. Тайная полиция идет за тобой из задворок Шестого Района"

Такэсита обернулся, пораженный хриплым голосом, раздавшимся из-за его спины. "....."

"Я думал, что они следят за мной, но похоже, что следят за тобой. Какое жалкое положение у нас обоих, а? Будь осторожен, в самом деле"

Ничего больше не ответив, человек, говоривший с Такэситой, растворился в толпе. Его континентальный костюм и единственный холодный остекленевший глаз, спрятанный за шляпой, читались безошибочно.
Подумав немного, Такэсита бросился за ним. Когда мужчина нырнул на улицу с прилавками, Такэсита испугался, что потерял его; но, как ни странно, мужчина остановился на минуту, как будто ждал Такэситу.

"Не прекращайте идти. Будет лучше, если вы тоже не станете поворачиваться ко мне"
"Вы Кита-сан, верно?"

Икки Кита, замедлив темп и идя впереди Такэситы с небольшим смещением, начал говорить.

"Почему вас преследуют тайные полицейские? Вы не похожи на социалиста, но... ах, точно... это вы, не так ли? Ты тот, кто распространяет предсказание о землетрясении, которое должно произойти в Токио"

Казалось, Кита уже знал о Такэсите.

"До сих пор единственными людьми, которые распространяли пророчество о великом разрушительном землетрясении, были потомки секты Оомото, но вы знаменитость, скрывающаяся в Кабутотё. Казалось бы, ваше пророчество не имеет основания в оракулах синтоизма или буддизма"
"Вы довольно хорошо осведомлены"

"Этот регион страдает от сильных землетрясений, которые повторяются циклами в несколько десятилетий. Сам факт того, что мы приближаемся к концу одного из этих циклов, не является чем-то таинственным, и многие люди в этом регионе начинают чувствовать, что такое действительно может произойти"
"Если это правда, то должно быть что-то, что мы можем сделать. Вот почему я —"
"Это бесполезно. Одни остроты и прочее"
"Многие люди умрут. Не только во время катастрофы — многие другие будут зверски убиты впоследствии"
"Естественно, такие вещи будут происходить. Некоторые могут даже назвать это благоприятным исходом"

Услышав резкость в словах Киты, Такэсита потерял самообладание.

"Кто бы пожелал такого?"
"В последнее время мы слышим много таких заявлений. — "Ах, все так скучно. Ах, больше ничего не выгодно. Разве мы не можем снова пойти воевать?" Таких людей много"
"Это всего лишь желания дураков, которые думают, что мы сможем выиграть любую войну, в которую ввяжемся"
"Естественно. «Богатые жиреют, а бедных втаптывают в грязь. Так устроен мир и тому подобное, так что не лучше ли было бы просто сжечь все дотла и начать все сначала?» Вы же не хотите уничтожить всех, кто так думает, не так ли?"

Такэсита, услышав в словах Киты горький сарказм, тихонько хихикнул себе под нос.

"Чего? Я сказал что-то смешное?"
"Нет, просто я подумал, что раз уж вы так говорите, то отчасти симпатизируете тем, кто хочет социалистической революции"
"Может и так... Если оставить в стороне вопрос с населением, есть правительственные чиновники и военные, которые могут позволить себе легкомысленно относиться к нынешнему положению дел, и они строят различные планы, чтобы воспользоваться грядущим землетрясением"

Лицо Такэситы напряглось. Значит, это правда. Они уже начали готовиться.

"Предсказание, данное последователями Оомото, было чрезмерно неточным относительно времени события. Те, кто хотел строить планы, не могли на них положиться. Вы, с другой стороны, кажется, получили информацию, которая включает в себя точную оценку. Дли вашей свободы скоро могут быть сочтены"

Таково было предостережение от Киты.

"Кита-сан, вы тоже... слышали пророчества, которые боги передали вашей жене?"
"...Значит, об этом вы тоже знаете... К сожалению, никакой конкретной информации о времени землетрясения она не получила"

Такэсита до сих пор никому не сказал дату происшествия. Но, похоже, Кита уже понял, что Такэсита знает дату и время.

"Через пятнадцать дней после великого землетрясения анархисты Сакаэ Осуги и Ноэ Ито будут арестованы и казнены армией. Свалят вину на некоего майора военной полиции"

Кита не нашелся что ответить и продолжал слушать.

"Будет арестовано гораздо больше анархистов и социалистов, а отряды линчевателей будут выслеживать иностранцев на улицах. И, Кита-сан, вы сами совершите налет на похоронах Осуги чтобы выкрасть его прах..."
"Довольно"

Кита-сан несколько побледнел, и, хотя он поднял руку, чтобы остановить Такэситу, тот тем не менее продолжил.

"Эра Тайсё закончится сразу после землетрясения и начнется Эра Сёва. Хотя они уже пытались много раз, молодые военные генералы будут все больше и больше брать дело в свои руки в надежде совершить военную революцию, но вы..."
"Хватит!"

Кита остановился и уставился на Такэситу своими холодными глазами — глазами, как у самого Дьявола.

"Если вы объясните мне что именно случится …"
"....."
"Мне придется стать как вы... ничего не делать и только наблюдать в отчаянии..."
"Простите. Я сказал слишком много"
"Сомневаюсь, что мы встретимся снова. Если Осуги вернется в Японию, скажи ему держаться подальше от Токио…"
"Я говорил ему"
"...Я понимаю. Это вполне естественно... Но, прежде чем думать о других, нужно побеспокоиться о себе"
"Эх…"
"Уже известно, что вы прячетесь в Дзюникай и что там есть несколько машин. Если вы используете их, чтобы заглянуть в будущее... они обязательно попытаются захватить их для своих целей"

Внезапно Такэситу охватило сильное чувство беспокойства. В конце концов, Кита, возможно, обладал какой-то странной силой интуиции. Такэсита поспешно извинился и побежал к Рёнкаку. Его волновали не машины. Их можно было восстановить. Но, Эйн...!

Как он и опасался, комната под Дзюникай лежала в руинах. Они украли большую часть ЭЛТ и устройств ввода, но основные компоненты машины лежали нетронутыми, спрятанными под полом. Его сердце не успокаивалось. *Что, если они…* он заглянул в соседнюю комнату и обнаружил… рядом с совершенно непонятной машиной, Эйн лежала на полу, свернувшись в клубок.

"Эйн...?"

Никто ее даже пальцем не тронул. Он слышал ее сонное дыхание. Судя по легкой улыбке, ей, должно быть, снится хороший сон. Он глубоко вздохнул, опустился на колени на пол рядом с Эйн и осторожно погладил ее по волосам.

Двигатель, работающий прямо под носом у Эйн, издавал звуки и вибрации, настолько ужасающие, что ей хотелось зажмурить глаза и заткнуть уши. Но если бы она так сделала, то могла бы никогда и не сесть в самолет. Поэтому Эйн крепко вцепилась в гигантское сиденье и смотрела на небо, покуда ветер дул ей в лицо.

Этот самолет немецкой постройки, так называемый Таубе[22], сильно отличался по внешнему виду от похожих на птичью клетку самолетов, построенных во Франции и США, какие встречались чаще. Таубе выглядел точно так же, как воздушные змеи, созданные по образцу орла с расправленными крыльями, которых часто можно увидеть на Новый год, за исключением увеличенного размера, с прикрепленным двигателем и способного вместить двух человек.

Во время битвы за крепость в Циндао самолеты противника показали подавляющее превосходство над самолетами «Фарман» японского флота; В спешке ВМС конфисковали все частные самолеты Таубе в стране, но прежде чем их успели применить, немцы сдались. Самолет, на котором летела Эйн, был одним из таких.

За штурвалом была Норико Инбе. Женщина-пилот, она впервые была вдохновлена Кэтрин Стинсон, исполнительницей высшего пилотажа, которая посетила Японию около пяти лет назад. Хоть Инбе и поступила в авиационную школу Татикава, она была вынуждена бросить учебу из-за неспособности платить за обучение; но затем, получив еще один шанс благодаря щедрости некоего аристократа, ей удалось осуществить свою мечту и стать пилотом.

Время от времени она окликала ее, хотя Эйн не знал, обращается ли Инбе к ней или самолету; она вообще ничего не могла разобрать из-за грохота двигателя. Если отмести факт самого полета, сидеть вот так, вцепившись в кресло, было для Эйн сродни пытке. Но она получала то, что хотела.

В подвале Дзюникай Эйн строила огромную машину, которую назвала «Отец». Она делала его долгое время, и хотя он, должно быть, был близок к завершению, он все еще был покрыт оголенными электрическими частями и паровыми трубками, и никто не мог точно сказать, для чего он нужен.

"Эйн"

Эйн повернулась от удивления. В конце концов для Эйн было редкостью услышать что-то из уст Такэситы.

[22] Игнац "Иго" Этрих (25 декабря 1879 – 4 февраля 1967) австрийский пионер авиации, пилот и разработчик самолетов. Создатель самолета Rumpler Taube 4C

"Чегоооо?"
"Да. Может есть место, в котором ты хочешь побывать?"
"А куда мы отправляемся?"
"Нет, я говорю про место, куда ***тебе*** *хотелось бы отправиться. Не просто где-то в Токио, но может быть на северо-востоке или даже в другой стране?"*
"....."

Эйн задумалась. Она никогда не рассматривала другие места, кроме тех, к которым привыкла.

"Если Эйн назовет место, ты взаправду возьмешь меня туда?"
"...Ну, да, как я думаю"

Эйн заволновалась. Такэсита никогда раньше не был с ней так добр. Эйн уже привыкла думать, что она всегда будет с ним, и это было все, чего она хотела. Но, похоже, Такэсита намекал, что нынешнее положение дел скоро подойдет к концу. После того, как Эйн помолчала некоторое время, Такэсита наконец, сказал, смирившись:

"...Ладно. Если ты никуда не хочешь..."
"Эйн хочет полетать"
"...Полетать?"

Сколько бы летчиков ни было в Японии, обычный человек не мог подняться в небо по мановению руки. Но у Такэситы, похоже, уже была идея кого спросить, и всего через несколько дней он привел Эйн на плац Аояма. Он представил пилота - Норико, которая вышла поприветствовать их.

"Я не полечу. Я хотел бы чтобы ты взяла с собой эту девочку. Она будет счастлива, если ты сможешь пролететь над Асакусой"

После слов Такэситы, на лице Норико отразилось сомнение.

"Так что же, под «этой девочкой» ты имеешь в виду... ну, ладно. Я понимаю"

Эйн удивилась, что он не полетит с ней, и она протестующе посмотрела на него.

"Ты обещал, что мы всегда везде будем вместе!"
"Это ведь ненадолго. На переднем сиденье может поместиться только один человек. Ты хотела полетать, так? Пожалуйста, постарайся получить от этого удовольствие"

В спешке Эйн заставили надеть летный шлем и очки. Она должна была сидеть на сиденье, которое располагалось в передней части кабины.
"У меня есть просьба"

Уходя, она умоляла Такэситу со смертельной серьезностью.

"Чего тебе?"
"Ты поднимешься на смотровую площадку Дзюникай? Эйн обязательно пролетит рядом. Я хочу, чтобы ты помахал мне"
"...Если успею, попробую, но…"

Эйн расплылась в сияющей улыбке и побежала к самолету, подпрыгивая на ходу.

Затем Таубе, который нес Эйн, подлетел к парку Асакуса. Дзюникай возвышался над прудом Хётан. Ни одно из других зданий не было почти таким же высоким. Эйн выжидающе выпятила грудь и перевела взгляд на смотровую площадку Дзюникай. Хотя самолет не торопился и кружил вокруг Дзюникай, фигуры Такэситы нигде не было видно.

В это время Такэсита был в Суругадае, в поместья виконта Фуэнокодзи.

"Он уехал в Шанхай"

Английский у Вари все же был с акцентом.

"Верно, я слышал об этом"
"Потому ты и пришел?"

Варя задернула шторы, затемнила комнату и плавно выскользнула из одежды, обнажив прекрасную спину. На фарфорово-белой коже Вари вздымались бесчисленные рубцы.

"Не пойми неправильно. Не у одной меня такое на теле, я делаю то же самое в ответ"
"Мне все равно, не хочу слышать подробности насчет этого"

Когда он ласкал холодное тело Вари, довольно маленькое для человека с запада, ему в нос ударил сильный запах духов. Тело Вари начало согреваться в его руках. Прикусив ему мочку уха, Варя что-то прошептала.

"Кто же ты, хозяин или слуга?"

Такэсита не мог ответить. Он стал смущаться, что поза, в которой была Варя, вообще возможна физически, настолько интенсивно ее ласки окутывают все его тело. Пока он пытался погрузиться в это чувство, в его сознание просачивался шепот Вари.

"Есть кое-кто, кто хочет услышать твои истории. Ты встретишься с ними, ради меня?"
"....."

Даже после того, как Такэсита открыл глаза, он все равно не мог определить, куда его утащили. Но он хорошо понимал, что оказался в этой ситуации из-за своих собственных поступков.

Узкая комната, в которой он оказался, возможно, находилась в подвале какого-то здания. В отличие от подвала Дзюникай, влажность здесь была почти невыносимой. Оглядев комнату, он заметил, что стены покрыты хлопчатобумажной тканью, как будто для подавления шума. Если бы он мог сбежать, он бы это сделал, но не был в силах противостоять вооруженным людям, которые привели его сюда.

Спустя время он услышал звук открывающейся двери, и в комнату вошли двое. Один был иностранцем примерно того же возраста, что и Такэсита, а другой был старше пятидесяти, и, разумеется, тоже был иностранцем. Тот, что помоложе, заговорил с ним на… да, на японском с сильным акцентом.

"Господин Такэсита, мы приносим извинения за ваше столь унизительное положение"

Верно, подумал Такэсита. Варя работает с теми же большевиками, которые сейчас у власти в ее родной стране. Для того, чтобы продолжать жить с тем немногим, что у нее осталось, у Вари нет другого выхода, надо было об этом подумать.

"Мы знаем, что тебя обучал один из наших соотечественников"

Соотечественник... На самом деле, Никола Тесла, у которого учился Такэсита, был из Венгерского королевства, и, хотя оно может быть близко к России, венгр наверняка не будет соотечественником русского; но Такэсита подозревал, что эти двое были в курсе.

"Ну, и какое это имеет ко мне отношение?"

"*У вас есть машина, которая видит будущее, не так ли? Это то, что вы смогли создать, благодаря нашему соотечественнику. Поэтому мы тоже имеем право на нее. Вы можете читать наши мысли, разве нет*?

"*Понятия не имею, о чем вы"* ответил Такэсита по-английски.

Старший из двух сделал неприятное выражение лица и что-то прошептал на ухо молодому. *«Возможно, много лет назад у этого человека был плохой опыт во время русско-японской войны»*, — подумал Такэсита.

"Мы можем отвезти вас в нашу страну. Но похоже вы еще не закончили со своей машиной"
"...Почему вы так думаете?"
"Если бы вы закончили с ней, то не тратили бы время попусту"

Ясно, подумал Такэсита*. Они имеют в виду, что если бы им была предоставлена возможность использовать машину, предсказывающую будущее, по своему усмотрению, они, как люди с жадностью в сердце, не жили бы так, как я. Я понимаю...*

"Мы совершили революцию в нашей родной стране. Конечно, это было связано с величием наших собратьев-лидеров, но документ, что символизирует нашу идеологию, был также важен"

Они говорят о *Манифесте Коммунистической партии*[23]

"В Японии тоже есть подобный документ. Разве вы не согласны?"

Он не мог говорить о Конституции Мэйдзи. Такэсита поднял голову.

"Риссё Анкокурон[24]*… например?"*

Такэсите потребовалось некоторое время, чтобы понять, о чем сказал молодой русский. Рисшоу Анкокурон... это был документ, который Нитирэн написал, чтобы просветить своих последователей, тот самый, в котором он предсказал Первое монгольское вторжение, не так ли?

---

[23] Манифест Коммунистической партии (нем. Manifest der Kommunistischen Partei) — работа Карла Маркса и Фридриха Энгельса, в которой авторы декларируют и обосновывают цели, задачи и методы борьбы зарождавшихся коммунистических организаций и партий, издана 21 февраля 1848 года.

[24] Риссё Анкокурон (立正安国論) — японский буддийский трактат 1260 года, написанный Нитирэном, монахом периода Камакура.

Такэсита знал, что даже сейчас сторонников учения Нитирэн было больше, чем когда-либо, и подавил в себе желание указать, что такого рода документ был чем-то совершенно непохожим на машины в подвале Дзюникай.

"Таким же как манифест было Оомото Синъю[25] "

Было странно слышать такое от иностранца. Оомото Синью было собранием изречений Онисабуро, унаследовавшего религиозную секту, основанную на пророчествах Нао Дэгути[26], одержимой Кондзином с Северо-Востока[27], многие в армии и академии сочувствовали её предсказанию реорганизации, даже разрушения и возрождения современного мира.

После прихода великой катастрофы, несомненно, массы устремятся к тому, кто точно предсказал ее. Когда Такэсита переосмысли масштабы опасности, исходящей от его машин, лицо его выглядело словно он стоит на краю обрыва перед огромной пропастью.

"Вы ведь не собираетесь использовать машины ради текущего японского правительства, не так ли? Закончим на сегодня. Но когда вы будете в опасности, мы станем вашими братьями. Пожалуйста, помните об этом"

Старший хмуро посмотрел на Такэситу, словно отрицая все, что сказал тот, что помоложе.

Эйн страшно.....

Эйн словно была посреди долгого ночного кошмара. Такэсита никогда прежде не оставлял Эйн одну на такое долгое время.
Машина, которую Эйн строила в подвале Дзюникай, та, которую она называла «Отец», была почти завершена, но прежде чем ее двигатель мог активироваться, ему требовалось вывести управляющее сообщение от «машины, видящей будущее». Она ждала много дней, но Такэсита так и не вернулся.

Может, он не вернется больше никогда … Она избегала таких мыслей, насколько могла, но, поскольку ей нечего было делать, кроме как лежать на полу и смотреть в пустоту, она не могла избавиться от ощущения, что ее бросили. Шли дни, ей все труднее давалось различать сон и явь.
Не в силах сказать, был ли раскинувшийся перед ней потолок потолком ее собственного подвала или потолка какой-то другой комнаты, Эйн посмотрела вверх.

---

[25] Оомото Синъю (大本神諭), священное писание Оомото, новой японской религии, основанной в 1892 году.
[26] Дэгути Нао (出口 なお, 22 января 1837 года – 16 ноября 1918 года) — основательница религиозного движения Оомото в Японии. Придерживалась ксенофобских и антимодернистских взглядов, также была приверженцем милленаризма.
[27] Кондзин (яп. 金神, бог металла) — в синтоизме — ками, мужское божество, из японской мифологии. Является странствующим ками в учении оммёдо (традиционная японская система гадания на основе китайской философии от У-син до Инь и Ян). Как говорят, он меняет своё местоположение в зависимости от года, лунного календаря и сезона года.

В поле ее зрения кто-то был.

Это был не Такэсита, а кто-то другой, потому что огни на потолке были такими яркими, что она не могла их разобрать. Они говорили приглушенными голосами.

"…Интересно, правда ли это настоящая, ты?
"Я не знаю, но хотя он явно получал информацию от какой-то машины, машина в подвале Рёнкаку, похоже, не была его основным телом. Если так, то эта девочка, о которой он заботился... Возможно, я перехожу границы, говоря это, но нельзя отрицать возможность того, что она была сутью этого дела"

Эйн наконец поняла, что они говорили о ней. Тогда она поняла, что с нее сняли одежду, а ее руки и ноги были привязаны к кровати. Вместо возмущения Эйн почувствовала только грусть. Потому что, если бы он только остался с ней, наверняка она не оказалась бы в таких обстоятельствах.

"Думаешь она что-то знает?"
"...Не вижу тому доказательств"

Один из людей, которого она могла видеть, имел некоторое сходство с тем виконтом из Сургадая, которого Такэсита иногда навещал, но она не была в этом уверена.

"Как долго его будут держать?
"Ему особо не в чем сознаваться, так что недолго, скорее всего"
"Нам нужно, чтобы он вернулся в ближайшее время"
"Как пожелаете"

Эйн закрыла глаза, и если бы она зажмурила их достаточно сильно, то смогла бы даже закрыть для них весь свет. Потому что наверняка в следующий раз, когда она откроет их, он снова будет рядом с ней…

День Предсказания

Его отпустили утром, через несколько дней после поимки. По сравнению с тем, что пришлось бы пережить идеологическому преступнику, пытки, которым его подвергли, были совсем незначительными, но все же он был весь в синяках, а тело было истощено от многодневного недоедания.

Его встретили журналистка Маюми Игараси и лейтенант Эноки.

"Вы в порядке?"
"Ах если бы я узла раньше, я бы мог посодействовать!"

Они подхватили его под руки с обеих сторон. Он просто тупо смотрел, как будто даже не узнал их.

"Первым делом мы должно накормить его где-нибудь?"
"Посмотрим.. Как вы? Вы в себе? Это я, Эноки!"

Лейтенант Эноки испытующе посмотрел ему в лицо. Вместо ответа тот наконец выдавил хриплым голосом.

"Какое сегодня число?"
"Первое, первое сентября"

Его и без того бледное лицо стало еще бледнее.

"Который час"

На этот раз ответила Маюми.

"Почти полдень"

Внезапно он вырвался от своих спутников и попытался бежать, прежде чем рухнул на землю.

"Вы чего?"

Эти двое подняли его на ноги, но он продолжал отчаянно смотреть вдаль.

"Эйн, Эйн в Дзюникай"
"Эйн это кто?"

Лейтенант Эноки вдруг вспомнил девочку, которая всегда была с ним, но он также вспомнил, что детектив тайной полиции ее не видел.

"Аааа! Скорее! Черт!"
"Чего он так разволновался? Уж не сошел ли он с ума от допроса?"

Лейтенант Эноки вздрогнул.

"Что если «это время» - это прямо сейчас?"
"А?"
"...Первое сентября 12 года эпохи Тайсё, 11:58…"

Лицо лейтенанта Эноки стало таким же бледным, как и у человека, которого он нес. Поглядел на часы... неужели до этого момента оставалось всего несколько минут? Как бы они ни спешили, они не успеют добраться оттуда до Дзюникай вовремя. Такэсита просто продолжал звать девочку по имени. Удивительно, где он доставал силы, чтобы продолжать, так яростно он звал.

БУУУУУМ

Когда огромная ударная волна, казалось, почти пробилась сквозь землю, Эйн просто сидел в оцепенении, не понимая, что происходит.

Но вскоре началось резкое перекатывание из стороны в сторону, сопровождаемое короткими повторяющимися вибрациями. Многие вещи в подвале Дзюникай уже были унесены, но все оставшиеся предметы опрокинулись и разбились, а кирпичные стены начали сыпаться.

"Так вот о чем он беспокоился…"

Послышался гулкий звук обрушения вершины шпиля. Голова Эйн внезапно прояснилась, и она на четвереньках поползла к машине, которую собрала в соседней комнате.

"Отец, похоже, мы больше не можем здесь оставаться"

Она открыла маленький люк, который установила на его спине, и проскользнула внутрь. Там было так тесно, что ей пришлось свернуться в клубок, чтобы влезть. Она закрыла люк и запустила машину изнутри.

Сквозь поврежденный потолок в подвал начал сыпаться мусор. Неповоротливая машина под названием «Отец» шатко-валко проталкивалась сквозь щебень и поднялась в полный рост.

БАААХ

Рёнкаку был построен по тому плану водонапорной башни, и изначально не был предназначен для людей, чтобы лазить по зданию, тем более чтобы в нем жить.

Верх башни рухнул из-за сильного землетрясения слишком быстро, а внутренняя часть полностью обрушилась. Лабиринт борделей, кишащих под Дзюникай, как и в любом другом городе, использовал огонь для ежедневного отопления во время бесчисленных повторных толчков. После первого большого взрыва начали вспыхивать и распространяться огни, пока они не слились в один гигантский пожар.

Вокруг не было никого, кто мог бы увидеть, как из-под обломков Дзюникай поднимается и исчезает в дыму и пыли нечто, похожее на гиганта ростом не менее двух кенов.

По прошествии некоторого времени после великого землетрясения, частично разрушенный Асакуса Дзюникай был объявлен армейским инженерным корпусом угрозой общественной безопасности и уничтожен взрывчаткой.

Незадолго до этого Инженерный корпус исследовал подвал Дзюникай, вытащил обломки некоторых машин, находившихся там ранее, и засекретил их.

Пожары, начавшиеся во время землетрясения, продолжали распространяться, пока от Асакусы не осталось ничего, кроме выжженного адского ландшафта.

Пока огни окончательно не потухли, Такэситу нигде не было видно. Не было сомнений, что он осмотрел Дзюникай до прибытия инженерного корпуса. Но он не нашел Эйн, и он не мог знать, что машина под названием «Отец», исчезла.

Такэсите, превратившему Дзюникай в свою крепость, теперь некуда было идти, и, неотличимый от бродяг, которых он часто видел в бывшей Асакусе, он просто сидел, уставившись в пространство, с плетеной циновкой, свисавшей с его головы

Вокруг него начали формироваться явно беспочвенные слухи.
Словно есть тот, кто легко разводит синеву по воде…

Все было так же, как и в Сан-Франциско. Такэсита без сомнения верил, что место, в котором он сейчас оказался, точно такое же, как место, в котором он оказался после того землетрясения, и распространялись те же самые слухи, особенно с явно недобрыми намерениями. В Сан-Франциско нашлись те, кто воспользовался землетрясением как поводом для распространения слухов, чтобы ликвидировать цветущий и пахнущий Чайнатаун. И — Боже! — слухи, призванные спровоцировать резню японцев, переросли из шепота в крики и даже больше.

Он встал с места, где сидел, и, не собрав своих вещей, ушел безо всякой цели.

Когда он, наконец, обратил внимание на свое окружение, Такэсита начал восхождение на Дангозаку. На полпути вверх по холму пожары прекратились, и из-за относительного покоя в этом районе он пришел сюда, сам того не заметив. В течение многих лет он бессознательно избегал Дангозаку.

Он часто ездил в Верхний Хакусан, чтобы привести Эин в кафе на втором этаже Нантендо[28], но сам он настолько избегал этого места что доезжал окольным путем на городском трамвае. Почему он так ненавидел это место? Придя сюда впервые, он почувствовал ностальгию.

Там был дом Огай-сенсея[29], рядом был магазин соба, который он часто посещал, а если подняться на холм немного дальше, там была мастерская и жилище старого кукольника. Такэсита заметил, что у него сжалось в груди. В эпоху Мэйдзи — но нет, он мало что знал об эпохе Мэйдзи. Потому что к тому времени, когда он переехал туда, популярность кукол-хризантем уже ушла. В Дангозаке осталось несколько кукольников, которые делали кику-нингё[30].

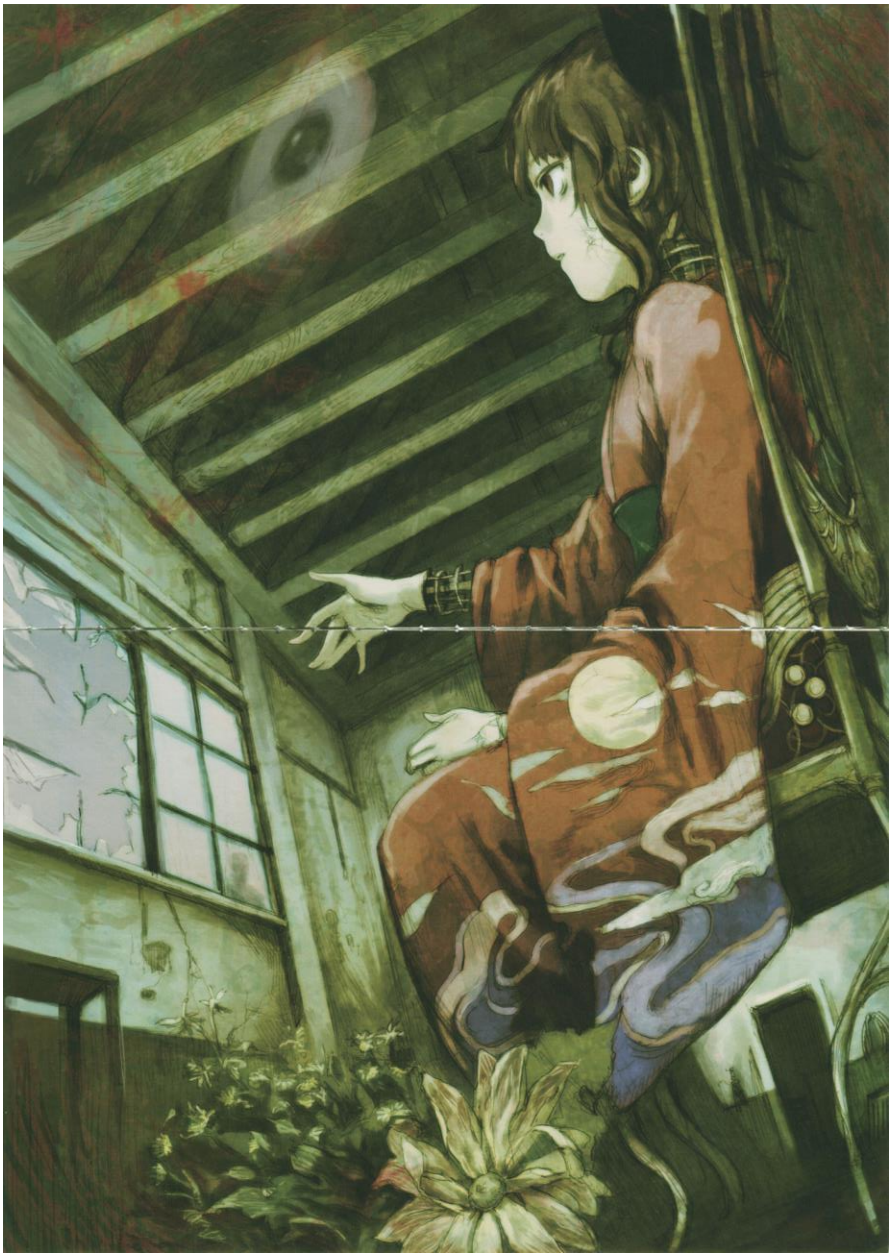
Нет!.. Он больше не мог выносить эти воспоминания. Неважно, как сильно он ругал себя, у него не было способа удержаться от того, чтобы не погрузиться в переполняющее его, давно подавленное прошлое. Мейсюя под Дзюникай, что он заплатил за нее какой-то небольшой суммой денег, что все эти воспоминания были настоящими, он не мог больше верить в эту сказку.

---

[28] В 1918 году студентами была создана «Литературная коллегия Университета Тойо», а позже эта ассоциация была открыта для людей вне университета. Было опубликовано множество литературных журналов, включая «Хакусан Сидзин» и «Хакусан Бунгаку». «Книжный магазин Нантэндо», который до сих пор существует, расположенный сегодня в районе Мукогаока Бункё, включал кафе «Ливан» (Lebanon) на втором этаже, а издательский отдел — на третьем. «Ливан» на втором этаже книжного магазина Нантэндо был местом, где собирались и обменивались идеями молодые начинающие писатели и поэты.

[29] Мори Огай (яп. 森 鷗外 Мори О:гай, 17 февраля 1862 — 8 июля 1922) — японский писатель, историк, критик и переводчик. Первый президент Имперской академии художеств (1919—1922, ныне Японская академия искусств).

[30] В 1804 году в Японии начали создавать большие, в человеческий рост, уникальные куклы из хризантем — Кику-нингё (Kiku-ningyo), облаченные в роскошные "одежды" из живых цветов.



В первый раз он увидел Эйн здесь, в Дангозаке. Внезапно, по прихоти, тот Такэсита подумал войти в переулок и заглянуть в магазин кукольного мастера. Судя по всему, магазин был давно закрыт, потому через окно было видно, что внутри пусто.

Но тут его глаз кое-за-кого зацепился.

Это была кукла в виде девочки, настолько красивая, что ее можно было легко перепутать с настоящей живой девочкой.

Ясно, что это был не человек. Пусть она и одета в кимоно, но ниже шеи идет не что иное, как деревянная кукла. После того, как он впервые увидел эту куклу, он целыми днями и ночами без устали смотрел на нее. Она не двигалась ни на дюйм. Конечно. Но что бы он ни делал, он не мог отделаться от мысли, что кукла обладает сознанием, а вместе с тем и желанием вырваться из мастерской и обрести свободу.

Чтобы воплотить в жизнь откровение, принесенное ему американским профессором Теслой, то, что нужно было сделать Такэсите, должно было показаться непреодолимой вершиной, но день и ночь он не мог заставить себя забыть об этой кукле, и он начал бояться, что сойдет с ума... Нет, так нельзя... Думая, что надо что-то сделать, он наконец остановился на чем-то действительно немыслимом.

Однажды ночью Такэсита дождался, пока старый кукольник уснет, выломал дверь мастерской и вошел внутрь, украл куклу и убежал с ней. В его руках кукла повернулась, чтобы посмотреть на него и сказала: «Спасибо». Сначала он был в шоке, но потом обрадовался. С тех пор он стал называть живую куклу Эйн, и она стала для него как живой человек.

Из разговора с виконтом Фуэнокодзи Кимиясу

“Некий Такэсита, да? Я не слишком хорошо его помню, но я помню, что он уехал учиться в Америку, и меня достаточно заинтересовали его рассказы, чтобы пригласить его к себе. Он привел с собой молодую девушку? (Он не много посмеялся) Вы, должно быть, говорите о его кукле? Я помню, как слышал истории о господине Декарте[31], который носил куклу в своей сумке, но этот человек ходил с куклой в руках. Иногда он разговаривал с куклой вполголоса, так что мы с женой пытались подыграть, но…”

Из разговора с журналисткой Маюми Игараси

“Да, верно. Я встретила Такэситу после того, как его освободила полиция. В то время упомянутой вами куклы не было, как и следовало ожидать. Но в разговоре с пилотом Норико Инбе, о которой я говорила ранее в статье, она упомянула, что Такэсита просил ее об экскурсионном полете, но на самом деле посадил в самолет эту куклу — он назвал ее Эйн. В во всяком случае, он только посадил ее в самолет, и, похоже, сам с ними не летал”

Из разговора со старшим лейтенантом Эноки

“Первоначально я проводил исследования в лаборатории Синдзюку-Тояма по радио-оружию, уже разработанному военно-морским флотом. Я слышал, что из Асакусы исходят радиоволны, которые по силе превосходят машины ВМФ, и когда я отправился туда, чтобы исследовать их самостоятельно, я познакомился с господином Такэсита. Его дочь, Эйн? Я встречал ее. Кукла? Что за чушь вы несете? Она была человеком. Да, безусловно”

Такэсита изо всех сил побежал в гору, чтобы спастись от Дангозаки. Ему казалось, что его сердце вот-вот взорвется, как будто его тело кричало, чтобы он остановился, но он чувствовал, что если его сердце собирается остановиться, оно должно остановиться раз и навсегда.

Что он должен помнить такую вещь! Если все до сих пор было ночным кошмаром, было бы лучше, если бы он никогда не просыпался. Для него было бы лучше остаться в кошмаре навсегда. Эйн пропала. Нет, с самого начала такой девочки не существовало. Он отказывался признать это. Но больше не мог.

[31] Речь о работе Mélanges d'histoire et de littérature by Vigneul-Marville 1699 года, в которой рассказывается история о «механической дочери» Рене Декарта, которую он создал, чтобы заменить умершую настоящую, Франсин.

После того, как началось землетрясение, никто не знал о местонахождении Такэситы, потерявшего Эйн, или о том, как он проводил время.

Возможно, он забрал машины, которые установил в Асакуса Дзюникай, куда-то, чтобы починить их, но более вероятно, что в своем отчаянии он просто потерял всякую цель в жизни и проводил время скитаясь то тут, то там.

После великого землетрясения те, кто предсказал его, стали известны и оказались в центре внимания; но это не ограничивалось только Такэситой.

В Коисикаве человек по имени Сакамото раздал листок бумаги, на котором он написал Рейяку[32], сотрудникам главного офиса в Фукагаве и сказал им: «Это год, когда многие люди умрут», и когда произошло землетрясение, стало известно, что все те люди спаслись.

Журналистка Маюми собрала из разных источников информацию о том, что, по слухам, Такэсита перебрался на континент и занимается какой-то подозрительной деятельностью. Единственное, что известно наверняка, это то, что на седьмом году эры Сёва он вернулся в Токио.

Единственным районом, который не сильно пострадал от землетрясения, был Икэбукуро. Первоначально в этом районе не было особо примечательных поселений, поэтому понятно, что страдания, вызванные землетрясением, были минимальными.

В то время, когда опускалась ночь у восточных ворот Университета Риккё можно было встретить не только студентов, но и подозрительного вида молодых людей, собирающихся в кафе и барах.

Это были годы восстания убийц[33], учиненного военными, и в воздухе витало ощущение, что вдали от общественного контроля происходят события, которые никто не может остановить, но для этих никчемных, бедных молодых людей это было время наслаждения собственной свободой.

---

[32] Рейяку — религиозное лекарство, которое, как говорят, дарует бессмертие, если его съесть.

[33] Инцидент 15 мая (яп. 五・一五事件 Гоитиго дзикэн) — попытка военного переворота в Японии 15 мая 1932, которую предприняла группа офицеров Императорского флота Японии при поддержке кадетов Императорской армии Японии и гражданских сторонников ультранационалистической организации «Лига крови». Премьер-министр Инукаи Цуёси был застрелен 11 офицерами флота, которые, представ перед трибуналом, были приговорены к небольшим срокам тюремного заключения.

Такэсита был уже не молод, но, тем не менее, он обнаружил, что плывет по течению, также как это делают студенты, и поэтому он чувствовал себя как дома в районе, окружающем западный вход на станцию Икэбукуро. Он часто сидел один за стойкой местных кафе.

"Эти ребята довольно шумные, не правда ли?"

Внезапно услышав голос со стороны, он запаниковал.

"Нет, я вовсе не возражаю"

Когда-то он жил жизнью, в которой таинственные фигуры постоянно ослепляли его, непрерывно, с утра до ночи. Ему было трудно забыть те времена. Такэсита решил задать вопрос говорившему с ним мужчине, который был несколько старше окружавших его шумных юношей.

"Вы тоже художник?"

Такэсита знал, что многие молодые люди, жившие у западного входа, были студентами-искусствоведами, которые хотели стать художниками или скульпторами. Говорящий носил берет, можно предположить, что это художник, но это было бы ошибкой.

"Я поэт"
"А, понятно. В любом случае, почему так много художников — ну, большинство из них — начинающие художники, но почему они собираются в этом районе?"

Этим он интересовался какое-то время.

"Если проехать чуть в сторону сторону Сиинамати, там есть несколько ателье, которые построены дешево, почти как таунхаусы. Этот район изначально был заболоченным. Человек, купивший землю, заложил в землю древесный уголь и построил их, чтобы привлечь молодых художников"
"Вот как получается, я понял"
"В конце концов, это очень похоже на Монмартр в Париже. Нет, ну, с точки зрения внешности между ними огромная пропасть, но они очень похожи по страсти к искусству"

Говоря это, поэт покачивался. Как раз в этот момент, заметив, что в лавку входит человек с больными ногами, тростью и жестким выражением лица, поэт сказал Такэсите «Ну, извольте откланяться» и ушел.

На следующий вечер Такэсита направился к Сиинамати. Не то чтобы он очень интересовался деревней-ателье, но, услышав рассказ поэта, он, возможно, захотел увидеть ее хотя бы раз. Он быстро нашел улицу с характерными треугольными крышами, построенными из красной бетонной черепицы. Днем, как и положено, художники вовсю работали над своими индивидуальными проектами, и всю площадь окутала гробовая тишина, совсем не похожая на оживление Западного выхода ночью.

Гуляя без особой цели, он был поражен каким-то предчувствием. Вокруг мастерских скульпторов были разбросаны гипсовые фигуры, возможно, этюды или уже снятые с выставки предметы.

Многие из них были человеческими фигурами, и в сумрачном, затененном переулке многочисленные бледные фигуры производили несколько ужасающее впечатление. Лениво останавливаясь, чтобы поглазеть на скульптуры, он вдруг остолбенел от ощущения, будто холодная рука схватила его за сердце.

Среди выброшенных статуй он обнаружил, что смотрит на то, во что не мог поверить. Это была обнаженная статуя девочки в натуральную величину. И как бы он ни старался разочаровать себя, эта девочка была той самой, с которой он когда-то жил, — нельзя было видеть в ней кого-то другого, кроме Эйн. Должно быть, он ошибся. В конце концов, Эйн был всего лишь куклой

До великого землетрясения он некоторое время верил, что Эйн — живой человек. Но дело не в том, как если бы она исчезла. Она никогда не существовала с самого начала. Даже после того, как он говорил себе это так долго, Такэсита верил, что независимо от того, куда он отправится, Эйн ждет его и продолжал бессознательно искать ее.

Такэсита, спотыкаясь, отошел от статуи Эйн, пытаясь отвлечься от своих безумных мыслей, и обнаружил, что смотрит в окно другого ателье. Казалось, это была комната художника-абстракциониста, увлеченного сюрреалистическим движением. Казалось, что хозяина комнаты не было дома. В комнате на мольберте остался раскрашенный холст, и это была не абстрактная картина, а реалистическая. Такэсита задумался, не покинуло ли его наконец здравомыслие.

На полотне был портрет Эйн. *Аааа, я хочу увидеть ее снова…* Он спросил себя не усилились ли эти мысли настолько что он видит галлюцинации.

Ясно… ну, если это все, то все хорошо. Подумав об этом, он поднял свои тяжелые ноги и начал выбираться из деревни ателье.

Затем он увидел за последней мастерской бронзовую статую девочки. Она была сделана совершенно другим художником, чем предыдущие работы, но это все равно была Эйн, без сомнения. Посмотрев некоторое время на скульптуру, Такэсита легонько тронул ее кончиком пальца. Он чувствовал холодную поверхность бронзы.

Нет, это не галлюцинация. Наконец он ясно понял, что это была статуя, сделанная с натуры, с модели, с Эйн. Он развернулся и пошел назад в деревню. Эйн была здесь.

Как в Париже была муза Кики[34], так и в этой деревне-ателье была Эйн. С точно такой же внешностью, какой она была до великого землетрясения, Эйн где-то существует.

И те, кто были рядом с тем местом, продолжали чувствовать от нее какое-то вдохновение. На человека по имени Такэсита такого влияния уже не было. Он осознавал этот факт.

Но Эйн все еще существует… Просто будучи уверенным в этом, Такэсита почувствовал, как тепло возвращается к его сердцу.

Он пошел к огням города, а что было дальше, никто не знает.

[34] Кики́ с Монпарна́са (фр. Kiki de Montparnasse, или просто фр. Kiki, собственно Алиса Эрнестина Прен, фр. Alice Ernestine Prin, 2 октября 1901, Шатийон-сюр-Сен, Кот-д'Ор — 29 апреля 1953, Санари-сюр-Мер, Вар) — французская певица, актриса, художница, но прежде всего — знаменитая натурщица, модель сюрреалистов и художников Парижской школы.

Конец

Спасибо за чтение!